

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Сергей СОЛОУХ

МЕЖДУ К. Р. И «ЛЕФ'ОМ»¹

Искусство и эпоха. Поэт живет ею, дышит, или ему попросту по, как объявил бы современный рокер? Вопрос вопросов. Вечный.

Вот март—апрель 1919-го. Сибирь. Колчак, мобилизация, расстрелы. Крестьянские восстания, забастовки, партизаны... А между тем каждый вечер в Омске, столице диктатуры, кондовых монархистов и быстрых на расправы местных казаков, «отец русского футуризма», художник и поэт Давид Бурлюк «напудрил перед уходом... лицо... нарисовал на нем цветок. Затем вставил в петлицу фрака деревянную ложку и ушел»². Двинул на вечер-диспут, совмещенный с выставкой-продажей. Вперед и с песней:

Где скукотундру режет властно
Сырое тело Иртыша;
Где юговетр свой лет напрасный
Подъемлет слабо и спеша...³

Аншлаг. Сборы невиданные. Успех оглушительный. И все, конечно, флаги в гости к нам. Автор самого современного жизнеописания Давида Давидовича сообщает:

Сергей Солоух — писатель, эссеист переводчик. Родился в 1959 году в Ленинске-Кузнецком. Окончил Кузбасский политехнический институт. Автор нескольких романов: «Шизгара» (1993), «Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева» (1996), «Игра в ящик» (2011) и др., а также книги «Комментарии к русскому переводу романа Ярослава Гашека „Похождения бравого солдата Швейка“» (2015). Лауреат премии им. Ю. Казакова за лучший рассказ года (2003, 2004, 2005). Живет в Кемерове.

¹ Автор хотел бы выразить благодарность знатоку сибирского поэтического ландшафта Игорю Лоцилову за бескорыстную и дружескую помощь, без которой эта художественная зарисовка бы точно не получилась.

² Евгений Деменок. Давид Бурлюк. Инстинкт эстетического самосохранения. М.: Молодая гвардия, 2020. С. 370.

³ Там же.

В Омске к выступлениям присоединился писатель Антон Сорокин, которого пресса иронично называла «гордостью Сибири» и «национальным Гением». Бурлюк действительно выдал Сорокину «удостоверение в гениальности», и позже Сорокин уже выдавал подобное своим ученикам. На одном из вечеров он даже прочел манифест, в котором объявил себя королем и государем писателей и приказал всем местным газетам «завести автомобили и возить на них мозг сибирской нации, знаменитого писателя Антона Сорокина»⁴.

Цветет и пахнет мир подлунный. Футуризм побеждает в одной отдельно взятой Сибири. И если даже

Не проходило почти ни одной ночи, чтобы на улицах Омска, либо на берегу Иртыша не было найдено по одному или несколько трупов, неизвестно кем расстрелянных людей, без всяких документов...⁵

Есть ведь и Томск, и Новониколаевск, а дальше Красноярск, Иркутск, Чита, и там, где небо сходится с волной, где нет начала и конца по самому определению, благословенный Владивосток. Show must go on, как утверждал, октавы теряя счет, не очень, правда, современный, но тоже, уж конечно, рокер.

Впрочем, задержимся в Чите, как это сделал летом 1919-го и Давид Бурлюк. Проверим и здесь среднюю температуру по больнице Сибири, объятай всеобщей горячкой Гражданской. Тифозной, паровозной буквально и судьбоносной, роковой фигурально. Что тут, в столице другой диктатуры того времени, себя открыто противопоставлявшей той, что в Омске? Даже борющейся, ну, или пакостившей всеми возможными способами. Как там у атамана Семенова, не подчинившегося адмиралу?

А все то же. Крестьянские восстания, забастовки, партизаны... карательные экспедиции, расстрелы, реквизиции... Мрак...

Брожу по улицам... И что удивительно: в любом городе, какой ни возьми, свой шум, рокот, движение... В Чите же гробовая тишина. До войны она была живым торговым местом, а нынче как будто бы все разом осеклись. Никто без острой нужды, как говорится, на улице не кажет носа... Атаман повелел, едва лишь начинает сгущаться сумрак, всем закрывать ставни. Если кого и встретите теперь дорогой куда-нибудь, то только лишь солдата...⁶

...Бронепоезда Семенова стали такой притчей во языцех, что лучше особенно и не распространяться. Использовались они главным образом для карательных вылазок. А также, как тюрьмы и места казней. Попасть на бронепоезд, означало погибнуть самой мучительной смертью. Если получал какой-нибудь офицер или же чиновник повестку, явится на такой-то и такой-то бронепоезд, это был для него сигнал, что нужно немедленно из Читы бежать...⁷

Но что до всего этого художнику, поэту? Футуристу! Жителю иного измерения. Председателю земного шара, а заодно если не РСФСР, то ВЭФЭФЭ (Всероссийской

⁴ Там же. С. 369.

⁵ Гоппер, К. Четыре катастрофы. Воспоминания. Dzīve un kultūra. Рига, 1920. С. 105.

⁶ Fink, Pavel. Umírající království: Glossy a materiály ze zápisníku válečného korespondenta. Praha: Památník odboje, 1921, s. 30. Здесь и далее перевод мой. — С. С.

⁷ Там же. С. 65.

федерации футуристов), спешащего, летящего своих соратников собирать в колонны и на великие дела благословлять под небом русского востока, казавшегося «русским Западом», где Оцеола — вождь киргизов, ну, или казахов, и прочий Майн Рид:

Я, Давид Бурлюк, отец российского футуризма, властью, данной мне вождями нового искусства, присоединяю Вас, Антон Сорокин, в ВФФ. Приказываем отныне именоваться в титулах своих Великим художником, а не только писателем, и извещаем, что отныне Ваше имя вписано и будет упоминаться в обращениях наших к народу в следующем порядке: Давид Бурлюк, Василий Каменский, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Игорь Северянин и Антон Сорокин⁸.

«Конечно, — ко всему этому с восторгом добавляет современный биограф Давида Давидовича, — „Всероссийская федерация футуристов“ существовала только в воображении Бурлюка, но до чего же красиво!»⁹

Красиво. Не поспоришь. Образцовая прагматика поэта. Реальность осязаемую и данную в ощущения подменять воображаемой, данной во снах, и фантазия. А равно и самомнением, амбициями, быстрым умом и ловкими руками. Поэтому, конечно, в Чите летом 1919-го происходит, пусть и среди мертвых улиц, за закрытыми ставнями и под гудки семеновских бронепоездов, все то же самое, что и весной того же года в Омске, Томске, Новониколаевске и Иркутске. Лекция-представление «Грандиозар».

«Критика писала о том, что Бурлюк счастливо сочетает в себе лектора, конференсье, а футуризм в его лице имеет прекрасного глашатая, инструктора и трубадура»¹⁰.

Но не на пустом месте. Не сам по себе, один. Имелись и в самой Чите побратимы, футуристы, пусть и без официального «удостоверение в гениальности», но калибра никак не меньшего, чем уже упомянутый омич и будетлянин Антон Сорокин. Петр Незнамов, например. Будущий сотрудник и даже секретарь редакции «ЛЕФа» и «Нового ЛЕФа». Но это уже в двадцатых. А в 1919-м рубивший с плеча вот так:

В небе веером распластался закат.
Облака зацвели нежно-эмалевые:
Сидеть б, молчать да умиляться стократ,
А меня будто ужалили!

...

Ругался стозевно, высматривал стооко
В чьих-то мозгах кричал бараньих,
Вспомнился Блок-тишайший, а — я и Блока
Выкупал в потоках брани¹¹.

Хорош. Буквально знаменосец, да. Запевала. Но проблему, кого еще под стяг «стоозевности и стоокости» поставить в Забайкалье сам по себе, один, не снимал. Бурлюк приехал и уехал, нагнал волну, спел, станцевал, опубликовал в местном журнале «Театр и искусство» статью «Художественная жизнь Сибири» и дальше, дальше... во Владивосток. А что делать редактору этого самого «Театра и искусства» Петру Тимошеву, который пусть и остался, но тоже хочет в ногу со временем:

⁸ Евгений Деменок. Давид Бурлюк. Инстинкт эстетического самосохранения. М.: Молодая гвардия, 2020. С. 370.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 372.

¹¹ Пестрые щупальцы: Поэзо-сборник. Чита: Изд. журнала «Театр и искусство», 1919. — 54 н. с. + 48 с. Л. 6.

Тучи в кучу взбаламучу
И себе и Вам наскучу
И, нагнав поэзо-сон,
Дам большущий фельетон¹².

А вместе с ним и поэзо-сборник. Наш читинский. Забайкальский футур-модерн. В духе времени. Или вопреки ему, неважно, главное, тип-топ. Вперед всегда же можно, если с песней. Тем более что при журнале «Театр и искусство» есть общество пишущих — «Кружок творческих исканий»¹³. Не ВэФэФэ, конечно, гимназистками пахивает, салонными альбомами этот «кружок исканий», но тем не менее снабдит, даст строчки, рифмы плюсом, все то, чем можно надуть лягушку, нагнать объем, иными словами, сдобрить и разбавить по части лирики «громокипящей» и не очень, как самого себя, Петра Т. или же ПАТа, так и Анания, вполне себе человека будущего, Рябцева¹⁴.

Вот кузнец кует железо
Раскаленное огнем
Бьет и чаще, бьет и режет
Искры сыпятся кругом
Словно лошадь подыхает
Грузно дышет мех,
Угли в пламя расдыхает...
Щелк, как щелкают орех.
Распотелся... катят капли
С кузнеца; он черномаз...
Тику... Таку... Тику... Такли...
Молот бьет за разом раз¹⁵.

Получилось, конечно, забавно. Такой диалог ушлого с пошлым. На одной странице читинского поэзо-сборника с названием «Пестрые щупальцы», изданного редакцией журнала «Театр и искусство» в 1919-м, Петр Незнамов рвет и мечет:

По началу — молитвенный, под конец — дерзкий,
Капризной поэтессе объяснился поэт...
Она ему бросила: — Может быть, да, может быть нет, —
Словно погладила по шерстке и против шерстки¹⁶.

¹² Там же.

¹³ Кружок не только, надо отметить, одних лишь поэтических исканий, но и иных, в том числе театральных, что и естественно, наверное, при журнале «Искусство и театр». Так что совершенно ожидаемым кажется участие в поэзо-сборнике будущих актеров и режиссеров. В частности, ленинградских, Киры Львовны Мантейфель и мужа ее читинской поры Роберта Газтановича Барбетти.

¹⁴ Тут сам собой у автора получился каламбур. Поскольку славу читинский эсер, поэт-любитель и будущая жертва чисток тридцатых Ананий Моисеевич Рябцев обрел не сам, а как бы пророс к ней через два поколения, расцвел внуком — прекрасным советским актером Юрием Мефодьевичем Соломиным.

¹⁵ Пестрые щупальцы: Поэзо-сборник. Чита: Изд. журнала «Театр и искусство», 1919. — 54 нен. с.+ 48 с. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 1.

А на другой ему тут же и отвечает эта самая капризная дама под вуалью кокетливого псевдонима Л. Ни-ва, за которым вся, как есть, — «Родная речь», покой... овес, да лютики, и васильки:

Только чары искусства в изломе прозрений
Нас овеют волной возвышающих грез,
Нас спасут от греховно-желанных падений,
От укоров, борьбы, горькой накипи слез¹⁷.

Винегрет изломов, несуразица, но именно она и возвращает вновь к теме «поэт и эпоха». Где же он, художник? С ней, обнимается, шагает в ногу? Или «над небом голубым, где город золотой», как это у еще одного незабвенного рокера, за годы творческих исканий худосочность комплекции Христа сменившего на полнотелость Будды.

Разгадку этой загадки поэтического бытия в эпоху общественных волнений и социальных передраг нам если не обещает самый неожиданный и неуместный участник читинского поэзо-сборника «Пестрые шупальца» 1919-го, то, как минимум, дает возможность предполагать. Александр Ефимович Котомкин. Или, как он подписывался в ту пору, Котомкин-Савинский. В честь деревни Савино. Родной. Что на Волге.

Автор верноподданных кантат и благолепных панегириков, в литературу введенный лично великим князем Константином Романовым, к тому же офицер, из личного окружения атамана Семенова¹⁸, с чего и почему он вдруг дозволил какому-то щелкоперу, ПАТу, Петру Тимошевскому, футуристу-модернисту, родом не то из Крыма, не то из азиатского Семиречья¹⁹, с такой бесцеремонностью обращаться с благословенной самим К. Р. фамилией, родовым именем. Буквально рвать напополам.

Фельетон мой — обозрение
Всех исканий, всех движений
От Незнамова до Кот
Омкина и «наоборот»²⁰.

Да, потому что просто не заметил. Не обратил внимания. Счастливая поэтическая юродивость. Придурковатость. Именно то самое, что и объединяет, связывает воедино (как это так наглядно, само собой, и вышло, получилось в читинском сборнике 1919-го) всех чохом разношерстных рифмоплетов от патентованных графоманов до гениев, будь он, последний, с удостоверением или же без. Блажь лирического целеполагания. И связанное с ней, прямо вытекающее нежелание слышать и видеть мир. Соизмеряться с ним. Реальным. Чуждым, враждебным, неправильным и непонятым.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Регулярно повторяемый рассказ о том, что Александр Ефимович Котомкин участвовал в Ледовом походе и пришел в Читку с каппелевцами только в начале двадцатого, не находит своего подтверждения в записках самого Александра Ефимовича (Котомкин А. О чехословацких легионерах в Сибири 1918–1920. Воспоминания и документы. Париж, 1930, 182 с.). См., в частности, описания подготовки Читы к приходу каппелевцев (с. 128) и самой столь чаемой встречи (с. 129), сделанные от первого лица, а вот собственно Ледового похода — лишь «устаами одного изъ участни-ковъ его» (с. 124).

¹⁹ См. биографическую справку Петр Андреевич Тимошевский (Пат) в журнале «Новая русская книга». 1922. № 5. Берлин: Издательство И. П. Ладыжникова, 1922. С. 37.

²⁰ Пестрые шупальцы: Поэзо-сборник. Чита: Изд. журнала «Театр и искусство», 1919. — 54 нен. с. + 48 с. Л. 6.

Только скрываться от него и отгораживаться. Уж кто как может. Один шумно, на миру, рисуя розу на щеке, другой же, залезая под подушку, буквально сам в себя.

И в этом смысле особо выразительно одно стихотворение Александра Ефимовича из пары тиснутых бесцеремонным ПАТом в поэзо-сборнике «Пестрые шупальца» 1919-го. Десяток строк, которые, как кажется, впоследствии сам Котомкин нигде и никогда уже повторно больше не публиковал.

Прикажу замолчать я устам,
И не выдам я тайны, не дам,
Чтобы лживый, скучающий свет
Струн сердечных коснулся, — о, нет!...
Чтобы их сокровенных напев
Он подслушать не мог, подсмотрев,
Как горит чудным светом душа,
Как бываешь ты так хороша,
Когда взор твоих чудных очей
Зачарованный песней моей,
Смотрит так, будто хочет назвать
Про заветные тайны сказать,
То, чем сердце в полночной тиши
Отвечает на зовы души...
О, поверь, тот чарующий зов
Часто я понимаю без слов
Лишь прочту золотые мечты
В миг, когда неожиданно ты
Среди людей, нам и чуждых и злых
Бросишь взгляд свой с тревожной тоской
Будто просишь ты, друг дорогой,
Дать желанный ответ... А на что?
То никто не поймет ни за что...
Все поймут только сердца друзья:
Это — песня, да я...²¹

Автор жэзээловской, неоднократно уже упомянутой биографии Давида Давидовича Бурлюка Евгений Деменок назвал ее «Инстинкт эстетического самосохранения». А вот автор будущей биографии Александра Ефимовича Котомкина, я уверен, должен будет назвать ее «Инстинкт самосохранения блаженства».

И это как нельзя лучше опишет путь превращения бабочки назад... в куколку. Путь пройденный поэтом среди «стозевости» и «стоокости» его времени» к молчанию.

²¹ Там же. Л. 4.